

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

УДК 069.8

Клады Древней Руси: опыт изучения и музеефикации

Л. В. Конькова, М. В. Спешинская-Зорич

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., 6

Для цитирования: Конькова Л. В., Спешинская-Зорич М. В. 2021. Клады Древней Руси: опыт изучения и музеефикации. *Вопросы музеологии* 12 (2): 206–221.
<https://doi.org/10.21638/spbu27.2021.205>

В статье с точки зрения музейного дела рассмотрен такой специфический феномен материальной культуры, как клады ювелирных изделий эпохи Киевской Руси. Несмотря на то что эти предметы начиная с XIX в. включены в собрания крупнейших отечественных и зарубежных музеев, а в академической науке накоплен значительный опыт их комплексного исследования, в сфере экспозиционно-выставочного дела кладов, по мнению авторов, недостаточно полно интерпретированы как экспонаты с уникальными свойствами. Исходя из этого положения, в статье поставлена проблема выявления взаимосвязей между научной и музейной сферами для разработки новых подходов к актуализации кладов как источников сведений о Древней Руси и презентации их широкой аудитории. Статья носит историографический характер, так как для решения обозначенной проблемы прежде всего необходимо изолированно исследовать уже накопленный теоретический и практический опыт. Авторами составлен ретроспективный обзор бытования кладов, в рамках которого приведены историко-ситуационный контекст и история археологических раскопок, прослежены процесс комплектования музейных собраний и ход изучения, осмысления и реконструкции кладовых комплексов в русле различных научных дисциплин. С точки зрения постоянных экспозиций и временных выставок рассмотрены тенденции уже имеющегося опыта музейного экспонирования, в котором наблюдается фокусирование на предметном методе построения экспозиции, не способствующем «разработке новых смыслов» и творческому раскрытию содержательных особенностей экспонатов. Сделан вывод о целесообразности применения междисциплинарного подхода к разработке концепций новых выставок как способа полнее раскрыть источниковый, онтологический и ценностный потенциал кладов Древней Руси.

Ключевые слова: ювелирные кладовые комплексы, декоративно-прикладное искусство, Древняя Русь, музей, коллекция, экспонирование.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

В наследии Древней Руси ювелирные клады выделяются как особая специфическая группа и уникальный материал для науки. Они представляют собой комплекс таких предметов материальной культуры, которые при иных обстоятельствах едва ли можно было бы получить, и трактуются как ценный исторический источник, дающий сведения о самых различных аспектах жизни в определенном историческом срезе, а именно в домонгольский период Киевской Руси

Процесс всестороннего изучения и классификации содержимого кладов и самого их феномена с точки зрения археологии и истории декоративно-прикладного искусства активно продолжается до сих пор в связи с постоянным введением в научный оборот новых находок. Однако в сфере экспозиционно-выставочного дела данные материалы недостаточно полно интерпретированы как предметы музейного значения с учетом их специфических характеристик.

Научная новизна данной статьи состоит в постановке такой проблемы, как выявление взаимосвязей между сведениями об истории Руси, полученными в ходе изучения кладов, и интерпретацией этих сведений при экспонировании древнерусских кладовых комплексов как своеобразной группы музейных предметов.

Хотя в музейном деле, вслед за академическими исследованиями, уже накоплен достаточный опыт: изделия из кладов опубликованы, включены в собрания как музейные предметы, привлечены как экспонаты выставочных проектов — этот опыт требуется изолированно исследовать, чтобы определить наиболее достойные подходы к актуализации кладов как исторических источников и специфических музейных экспонатов. Прежде всего, необходимо провести исследование всей историографии по данному вопросу. Таким образом, в статье поставлена следующая цель: кратко охарактеризовать теоретическую базу, связанную с ювелирными кладами Древней Руси как объектами изучения и музейными предметами. Для этого необходимо систематизировать и сравнить подходы к изучению и музейной актуализации древнерусских кладов в хронологических рамках от первой половины XIX в. до современного этапа, затем определить особенности бытования кладов как археологического материала в среде ученых и коллекционеров и, наконец, выявить самые крупные музейные собрания, в которых представлены клады. На основе такого совокупного корпуса данных представляется возможным обосновать рекомендации по продолжению актуализации кладов как музейных предметов с уникальным потенциалом.

1. Ретроспективный обзор. Бытование кладов

Прежде чем обращаться к историографии, следует кратко обозначить историко-ситуационный контекст, верхней границей которого выступает время татаро-монгольского нашествия 1237–1240 гг.¹ Неудивительно, что целые группы кладов маркируют собой исторические территории, подвергшиеся нападению, — Рязанского, Киевского, Черниговского, Владимиро-Суздальского, Муромского и других княжеств. Клады могут рассказать о порядке сохранения семейных реликвий, значимой частью которых были женские ювелирные уборы и детали костюма — так называемая ларечная кузнь, а по тем из них, что были оставлены мастерами-

¹ Корзухина, 1954. С. 16

ювелирами, можно восстановить инвентарь мастерской ремесленника и процессы его использования в ювелирном деле². Развитие последнего к началу XIII в. достигло действительно высочайшего уровня мастерства — об этом свидетельствуют перенесенные на Русскую землю технологии и декоративные приемы иностранных мастеров, а также зарождающиеся черты своеобразия отдельных региональных школ, служащие ныне вспомогательным атрибуционным признаком³. Информационное поле кладовых комплексов чрезвычайно многоаспектно в отношении определенного хронотопического среза из жизни населения древнерусского города эпохи феодальной раздробленности, и оно было бы еще более расширенным, если бы об условиях их находок, очевидно, носящих случайный характер, сохранилось бы больше сведений.

История поступления кладов в собрания музеев шла рука об руку с историей отечественной археологии и ходом изучения «славянских древностей». Примечательно, что начало такой дисциплины, как художественная археология, было положено находкой в 1822 г. знаменитого клада «Рязанские бармы»⁴, о которой еще будет сказано ниже. Сама эпоха профессиональных археологических работ, призванных сдерживать расхитительное кладоискательство, началась годом ранее, когда была обнаружена так называемая Черниговская гривна, вероятно, принадлежавшая Владимиру Мономаху⁵. Но «рынок древностей» продолжал процветать на протяжении последующих десятилетий, и для урегулирования этого процесса в 1859 г. была организована Императорская археологическая комиссия, издан указ о предоставлении находок в Санкт-Петербург для фиксации⁶. В результате количество попадающих в научный оборот кладов стало увеличиваться; после описания они поступали в Императорский Эрмитаж, где постепенно сформировалась значительная коллекция⁷.

Вообще, самые многочисленные собрания по источникам комплектования можно условно разделить на две большие группы: основой одних стали частные коллекции, других — непосредственно археологические раскопки, покупки и обмен.

2. Комплектование музейных собраний

Рассмотрим плеяду коллекций, сложившихся в «век собирательской лихорадки» и ставших впоследствии достоянием музеев на разных континентах. Так, мало равных себе имела коллекция искусствоведа М. П. Боткина — отдельно взятый раздел домонгольских украшений и крестов-энколпионов включал более семидесяти экземпляров⁸. Они приобретались из разрозненных кладов, часто группами, некоторые из них признаны действительно уникальными. Боткинское собрание получилось достаточно репрезентативным для того, чтобы проследить по нему,

² Стрикалов (ред.-сост.), 2020.

³ Жилина, 2012.

⁴ Аксенова, 2014.

⁵ Анастасевич, 1821.

⁶ Длужневская (ред.), 2009. С. 24

⁷ Там же. С. 71

⁸ Новаковская-Бухман С. М. «Узорочье» древнерусских кладов. *Коллекции Михаила и Сергея Боткиных / Государственный Русский музей. Электронные данные.* Санкт-Петербург: Palace Editions, 2011. С. 58.

во-первых, эволюцию и многогранность ювелирного дела Руси, во-вторых — ее международные контакты. После 1917 г. большая часть размещенной в Русском музее в 32 ящиках коллекции была передана в Эрмитаж, но предметы из одного ящика, № 27, так и остались на постоянном хранении в Художественном отделе Русского музея⁹. Забегая вперед, следует отметить, что применительно к Русскому музею можно назвать и второй способ комплектования: в 1920–1930-х гг. происходил обмен между музеями молодого советского государства, и коллекция ювелирных изделий Эрмитажа была передана в Русский музей в обмен на коллекцию византийских памятников¹⁰. В Эрмитаже остались не очень значительные находки¹¹. Но в итоге при слиянии двух ценнейших коллекций — золотых кладов с перегородчатными эмальями из Эрмитажа и зерносканных, чеканных и украшенных чернением уборов из Боткинского собрания — Русский музей стал обладателем одиннадцати кладов¹². Это собрание можно назвать одним из самых богатых и представительных среди всех рассматриваемых в данной статье.

Еще одна знаменитая коллекция византийских, грузинских и древнерусских эмалей принадлежала собирателю А. В. Звенигородскому. Она была издана в роскошно оформленной книге, о научной значимости которой еще будет сказано ниже. Комплект киевских драгоценностей из собрания был приобретен как часть Анненковского и Лесковского кладов¹³. В 1909–1910 гг. велись переговоры о покупке коллекции в казну — этот вопрос координировала специально созданная Особая комиссия, но цена, запрошенная наследницей, показалась комиссии слишком высокой, и тогда все было продано за границу американскому промышленнику Джону Пирпонту Моргану. «Пока наша Специальная комиссия “думала-гадала” и дожидалась решения Совета министров, драгоценная коллекция эмалей Звенигородского уже куплена парижским антикваром Зелигманом за 300 000 рублей. Когда же мы дождемся узаконений, при которых не могли бы так просто происходить незаменимые потери?» — так сокрушались «Вести за месяц» в журнале «Старые годы»¹⁴.

Коллекции Джона Пирпонта Морганя связаны с киевскими кладами не только посредством эмалей Звенигородского. Благодаря новым данным из исследований Л. Пекарской в 1990-х гг. удалось восстановить историю приобретения этим ценителем клада, случайно обнаруженного в Киеве близ Михайловского Златоверхого монастыря в 1906 г.¹⁵ Он едва не был расхищен на месте, но основная часть была вывезена за границу и продана по частям одним торговцем, что весьма халатно по отношению к древностям такой культурной значимости: «Если эти вещи разсеются по свету, то будет очень жаль. Мне кажется Комиссия могла бы еще не поздно, за-

⁹ Там же. С. 7

¹⁰ Золотая гривна Мономаха. 2016. *Санкт-Петербургские ведомости*. № 002 (5619) от 12.01.2016. URL: https://spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/zolotaya_grivna_monomakha/ (дата обращения: 26.07.2021).

¹¹ Оставшиеся в Эрмитаже памятники древнерусского ювелирного искусства из находок кладов сейчас составляют уже не столь многочисленную коллекцию, однако она включает несколько довольно ценных экземпляров. Все они представлены в Галерее драгоценностей музея (Калашников и др., 2012).

¹² Новаковская-Бухман, 2015.

¹³ Кондаков, 1892. С. III; Корзухина, 1954. С. 108.

¹⁴ Пятницкий, 2015. С. 308.

¹⁵ Пекарская, 2010.

брать эти вещи...» — писал в одном из писем археолог В. Е. Гезе¹⁶. Однако попытки Комиссии разыскать и выкупить клад ни к чему не привели, и в 1907 г. украшения, дошедшие до торгов в Лондоне, были приобретены в коллекцию Моргана. Так последний стал обладателем высокохудожественных произведений: серебряных с черневыми узорами, которые он подарил собранию Британского музея, и колтов с цепями-рясами из золота с перегородчатými эмалями — их он оставил у себя, а после смерти коллекционера эмали были переданы Метрополитен-музею в Нью-Йорке, спонсором которого Морган был еще при жизни¹⁷. Таким образом, мы можем выделить еще два крупных собрания за рубежом — в Великобритании и США. В обоих музеях русско-византийские украшения этой эпохи не только хранятся, но и активно изучаются¹⁸.

Одно из самых представительных собраний киевских и других древнерусских кладов было составлено супружеской четой Б. И. и В. Н. Ханенко, увлекавшихся коллекционированием «приднепровских древностей». Собрание драгоценностей «эпохи славянской» включало такие знаковые археологические находки, как Сахновский клад 1900 г. или клад городища Князя Гора 1896 г.¹⁹ Эта коллекция сохранилась в относительной целостности и была подарена Б. И. Ханенко Киевскому художественно-промышленному и научному музею имени Императора Николая Александровича, первому городскому музею Киева, обязанному своим появлением поддержке и трудам этого деятеля²⁰. Ныне она представлена в Музее исторических драгоценностей Украины — филиале Национального музея истории Украины. Также небольшое количество артефактов попало в фондовое собрание Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника, но в постоянной экспозиции они не присутствуют и редко задействованы на выставках²¹.

Одним из следствий исторических особенностей бытования и музеефикации кладов после их находки является нарушение в музейном хранении целостности комплексов, которые когда-то были едиными²². Частное коллекционирование выступает главной причиной этого негативного явления, когда многие изделия разъединялись владельцами и теряли свои взаимосвязи, а следовательно, и часть научной информативности. Примером клада с таким неблагоприятным провенансом может служить крупный так называемый Анненковский клад 1842 г. — во-первых, он исчез почти полностью из-за корыстолюбия находчика, а во-вторых, даже детали одного изделия из него оказались разъединены при продаже в разные коллекции: речь идет о фрагментах парных цепей-рясен, два из которых принадлежали А. В. Звенигородскому, еще один — А. С. Уварову²³. В 1900–1910-х гг. коллекция Уварова была передана в Исторический музей²⁴, а коллекция Звенигородского, как

¹⁶ Цит. по: Пекарская, 2010. С. 250.

¹⁷ Пекарская, 2010; Корзухина, 1972; Morgan et al., 1912.

¹⁸ Pečars'ka, 2011.

¹⁹ Ханенко Б. И. *Древности Приднепровья. Вып. 5: Эпоха славянская (VI–XIII вв.)*. 1902. Киев: Фототипия и тип. С. В. Кульженко; Корзухина, 1954. № 80, 91, 120, 123, 127, 139.

²⁰ Пескова, Строчкова, 2010.

²¹ Мысько, 2020.

²² Корзухина, 1954. С. 9

²³ Корзухина, 1954. С. 105–107; Кондаков, 1892. С. III; Уварова П. С. 1907. *Каталог собрания древностей...* Вып. V. Табл., рис. 2.

²⁴ Клад, найденный близ Деятинной церкви в Киеве. Древняя Русь. Государственный исторический музей. URL: <http://nav.shm.ru/exhibits/2525/> (дата обращения: 26.07.2021).

сказано выше, в итоге оказалась в Метрополитен-музее Нью-Йорка²⁵. Таким образом, детали единого убора хранятся в музейных собраниях двух разных континентов. Очевидно, что это представляет проблему для исследователей. Об Анненковском кладе как о слитном комплексе Н. В. Жилина отмечает: «Разбросанные по разным странам и городам вещи хочется свести воедино хотя бы на общей таблице, чтобы по стилистическим и типологическим чертам определить примерное время их создания, ориентировочно очертить тот период, в течение которого люди накапливали их, прежде чем им пришлось навеки с ними расстаться»²⁶.

Судьбы частных коллекций исторически неотделимы от процесса музеефикации кладов, являясь, таким образом, одним из его этапов. Но комплектование еще целого ряда музейных собраний происходило равным образом за счет археологических раскопок или покупок.

Рязанская ученая архивная комиссия была учреждена в 1884 г., тогда же было положено начало историко-археологическому музею, собрание которого составили «добытые путем раскопок, доставленные добровольными жертвователями, а также приобретенные покупкой древности»²⁷. Ныне этот музей известен как Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. Еще до революции в собрание этого губернского музея поступили на хранение два клада с городища Старая Рязань; благодаря их находке в 1880-х гг. снова пробудился угасающий интерес к городищу, и члены Рязанской архивной комиссии обратились к Археологической комиссии с просьбой о финансировании планируемых раскопок²⁸. В дальнейшем раскопки не прекращались и собрание продолжало пополняться кладами, сделавшими Старую Рязань знаменитым археологическим памятником — больше было обнаружено только в Киеве. На сегодняшний день число кладовых комплексов в собрании РИАМЗ достигло четырнадцати²⁹.

Некоторые из самых богатых кладовых комплексов представлены в двух экспозициях музеев Московского Кремля: Оружейной палате и подклете Благовещенского собора. Достоянием «самодержавнейшего музеума» — Оружейной палаты — в 1831 г. по предписанию императора стал Старорязанский клад 1822 г., который сразу был включен в число государственных регалий России³⁰. Эти предметы имели большое значение для собрания как дополнение к греческим дарам для князя Владимира Мономаха — «священным царским утварям» — и на протяжении всего монархического периода «оставались важнейшей государственной святыней, осматриваемой императорами при коронациях»³¹. В 2012 г. после проведения реставрационных работ в подклете Благовещенского собора была открыта экспозиция «Клады и древности Московского Кремля»³². В ее состав вошли памятники XII —

²⁵ Chain with Birds and Geometric Motifs. Kievan Rus'. *The Metropolitan Museum*. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/464555> (дата обращения: 26.07.2021).

²⁶ Жилина, 2014b. С. 208.

²⁷ Стрикалов (ред.-сост.), 2020.

²⁸ Длужневская (ред.), 2009. С. 851–852.

²⁹ Стрикалов (ред.-сост.), 2020. С. 13.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 8.

³² Клады и древности Московского Кремля. *Музеи Московского Кремля*. URL: <https://treasures.kreml.ru/history-of-the-basement/view/istroya-podkleta-kladi/mobile-jump> (дата обращения: 26.07.2021).

конца XVII в., в том числе и спрятанные в Кремле средневековые клады, составляющие вместе с археологическими находками тематический раздел домонгольского искусства. Он насчитывает около двухсот экспонатов, в основном серебряных украшений из уборов парадного костюма, выполненных в самых трудоемких и искусных техниках. Музейную значимость экспозиции определяет не только ее представительность, но и подход к размещению в архитектурном пространстве — об этом еще будет сказано далее.

Пополнялось кладами и собрание Исторического музея в Москве³³. Так, в 1898 г. из Археологической комиссии поступил Киевский клад серебряных украшений из усадьбы Трубецкого³⁴, между 1916 и 1920 гг. при передаче коллекций из Румянцевского музея в коллекции оказалось знаменитое Суздальское оплечье³⁵, в 1968 г. из Института археологии был получен клад из раскопок Б. А. Рыбакова на городище Любеч³⁶. Были и покупки — в 1916 г. у правления Михайловского монастыря в Киеве выкуплено целое убранство из разнообразных и разновременных украшений³⁷, в 1939 г. приобретена часть очередного Старорязанского клада, а когда в 1950 г. обнаружилась вторая, она также поступила в музей³⁸. Уникальные комплексы ювелирных кладов, представленные в залах Древней Руси, — это яркие образцы разнообразия и искусности домонгольского декоративно-прикладного искусства, являющиеся гордостью коллекции археологических памятников Исторического музея.

Таким образом, из данного ретроспективного обзора можно заключить, что клады сыграли важную роль в историко-культурном процессе, получившем название «археологического бума» XIX в., когда возрос интерес общественности к открывавшимся славянским древностям центральной России. Эти открытия, наряду с памятниками Причерноморья, повлияли и на развитие музейного дела, ведь одновременно с находками возникла проблема их охраны³⁹. Невозможно оценить, насколько огромная часть драгоценных кладов потеряна для общества из-за деятельности кладоискателей и «черных археологов», которые и до сих пор продолжают разрушать археологические объекты⁴⁰. Но все же список приведенных в главе музейных собраний позволяет сказать, что отечественные музеи сегодня могут экспонировать тысячи произведений ювелирного искусства Древней Руси, и эти коллекции в дальнейшем еще будут преумножаться.

³³ Недошивина, 2010.

³⁴ Клад 1872 г. из усадьбы князя Трубецкого. Древняя Русь. ГИМ. URL: <http://nav.shm.ru/exhibits/2523/> (дата обращения: 26.07.2021).

³⁵ Суздальское оплечье. Древняя Русь. ГИМ. URL: <http://nav.shm.ru/exhibits/612/> (дата обращения: 26.07.2021).

³⁶ Любечский клад. Древняя Русь. ГИМ. URL: <http://nav.shm.ru/exhibits/2522/> (дата обращения: 26.07.2021).

³⁷ Клад из Златоверхого Михайловского монастыря в Киеве. Древняя Русь. ГИМ. URL: <http://nav.shm.ru/exhibits/610/> (дата обращения: 26.07.2021).

³⁸ Стрикалов (ред.-сост.), 2020.

³⁹ Каулен (ред.), 2003.

⁴⁰ Энгватова А. 2019. «Мы не чувствуем связи с теми, кто жил здесь до нас». Газета «Троицкий Вариант» 274: 10–11. URL: <https://trv-science.ru/2019/03/engovatova-gambschet/> (дата обращения: 26.07.2021).

3. Анализ кладов в науке

Древнерусские клады как культурный и научный феномен подвергаются изучению, осмыслению и интерпретации в русле исторических дисциплин — их предметный состав уже основательно изучен, систематизирован, опубликован и подвергнут реконструкции. Этот процесс имеет непосредственное отношение к музейному делу по нескольким причинам. Во-первых, он осуществляется исследователями как в специализированных научных учреждениях, так и в научных и реставрационных отделах крупнейших музеев либо в сотрудничестве между этими институциями. Во-вторых, исследования, проводимые археологами и историками средневекового костюма, находятся в самой тесной связи с качеством презентации уборов из кладов в музейных экспозициях. Ведь от того, на каком профессиональном уровне будут выполнены научные реконструкции костюмных комплексов, зависит их воплощение и подача для публики, знакомящейся с материальной культурой отдаленных эпох в основном посредством музеев⁴¹.

Итак, первые попытки научного описания древних кладов относятся к первой половине XIX в., когда начали появляться первые разрозненные находки, и их изучение на первом этапе также являлось фрагментарным, что позволяет исследователям охарактеризовать этот период как «чисто публикационный»⁴². Начало 1820-х гг. принесло науке сразу две случайные, но бесценные находки — в 1821 г. под Черниговом был найден золотой амулет-змеевик, известный как гривна Мономаха, мастерство исполнения которого было сразу же оценено по достоинству, хотя ученые и не сразу признали, что работа именно древнерусская, а не греческая⁴³. В 1822 г. обнаружен клад украшений в Рязанской губернии, публикация и исследование которого были поручены сначала историку и археографу К. Ф. Калайдовичу⁴⁴, а затем президенту Академии художеств А. Н. Оленину, который составил подробное их описание, дополненное таблицами⁴⁵. На протяжении второй половины XIX в. описания отдельных кладов давались изолированно известными знатоками древностей — В. В. Стасовым, Д. И. Прозоровским, гр. А. С. Уваровым — однако еще не сформировался «взгляд на самостоятельное значение всей группы кладов по отношению к так называемой доисторической древности»⁴⁶. Изучение кладов было также затруднено такими причинами, как спонтанность находок, разнородность их состава, — это не позволяло увидеть в кладах полноценный исторический источник, выводя на первый план лишь художественные особенности вещей⁴⁷. Первый действительно комплексный труд по изучению кладов был составлен академиком Н. П. Кондаковым; вышел только первый том, изданный в 1896 г. Несколько ранее, в 1892 г., из-под пера того же автора вышла искусствоведческая

⁴¹ И до сих пор восстановление отдельных частей и комплексов в целом сопряжено с определенными трудностями, а споры в среде исследователей не прекращаются (Калашникова, 2010. С. 206). Причина в специфике кладов — в отличие от погребений, их состав отличается беспорядочностью, смешением нескольких уборов, отсутствием намеков на их расположение в костюме и функциональное назначение, если оно не очевидно (Корзухина, 1954. С. 15).

⁴² Макарова, 1975. С. 7.

⁴³ Николаева, Чернецов, 1991.

⁴⁴ Калайдович, 1823.

⁴⁵ Оленин, 1831.

⁴⁶ Кондаков, 1896.

⁴⁷ Корзухина, 1954. С. 6.

монография «История и памятники византийской эмали: из собрания А. В. Звенигородского», представляющая собой, прежде всего, научный комментарий к собранию коллекционера, а также уникальный памятник искусства книгопечатания⁴⁸. Хотя Н. П. Кондакова, как историка искусства, клады интересовали как источник скорее по историко-художественным проблемам, его работы до сих пор ценны содержащимся в них фактическим материалом⁴⁹.

В исследованиях, продолженных уже в послереволюционный период, ставилась задача выработки нового концептуального взгляда на проблему кладов. В 1948 г. выходит объемное исследование Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси»⁵⁰: на материале именно кладов в нем были составлены разделы, посвященные городскому ремеслу, обработке и декорированию драгоценных металлов. Книга Г. Ф. Корзухиной «Русские клады IX–XIII вв.» 1954 г. была призвана восполнить пробелы и неточности в датировках, ведь к тому времени еще не было построено единой хронологической классификации кладов. Книга включила полный, хронологически систематизированный свод известных на тот момент кладов и их источниковедческую обработку, а в очерках, помещенных в трех главах, клады рассмотрены как своеобразный исторический источник не только по истории ювелирного дела как такового, но и по широкому кругу общих историко-культурных проблем.

Исключительное значение имеют работы археолога и историка культуры Т. И. Макаровой — «Перегородчатые эмали Древней Руси», а также «Черное дело Древней Руси», в которых применен междисциплинарный подход к разработке хронологии и выделению ремесленных школ для свода изделий из древнерусских кладов, а также их классификации по таким признакам, как техника и сюжеты декора⁵¹.

В завершение обзора историографии советского периода можно назвать деятельность А. Г. Векслера, известного археолога, значительную часть жизни посвятившего изучению Москвы, совместно с нумизматом А. С. Мельниковой исследовавшего совокупность кладов, найденных на территории Москвы и Московской области⁵². Имеется также издание этой работы, относящееся к 1999 г.⁵³ Позднее клады Московского Кремля в отдельности были широко исследованы Т. Д. Пановой, историком и главным археологом одноименного музея-заповедника, в книге «Клады Кремля» 1996 г. издания⁵⁴.

Говоря об исследованиях (и предшествующих им раскопках) региональных центров, нельзя не упомянуть о работах, посвященных городищу Старая Рязань, где с XIX в. найдено и описано 17 кладов. В настоящее время ведется работа по созданию сводного единообразного каталога кладов, который «позволит составить более ясное и системное представление о художественном ремесле города, его эстетических достоинствах, а также сложных технологиях, использовавшихся мастерами»⁵⁵. А. Л. Монгайт руководил экспедициями на Старорязанское городи-

⁴⁸ Кондаков, 1892.

⁴⁹ Корзухина, 1954. С. 6.

⁵⁰ Рыбаков, 1948.

⁵¹ Макарова, 1975; Макарова, 1986.

⁵² Векслер, Мельникова, 1988

⁵³ Векслер, Мельникова, 1999.

⁵⁴ Панова, 1996.

⁵⁵ Стрикалов (ред.-сост.), 2020. С. 4.

ще в 1946–1950 гг. и 1966–1974 гг., а В. П. Даркевич — в 1970–1980 гг. На основе находок они воссоздавали различные бытовые аспекты истории средневекового города. С 1994 по 2009 г. начальником Старорязанской экспедиции ИА РАН являлся Алексей Владимирович Чернецов, а в настоящее время ее возглавляет Игорь Юрьевич Стрикалов⁵⁶. Городище Старая Рязань все это время оставалось постоянным источником кладов, ведь это «эталонный памятник древнерусской археологии, единственный крупный центр городской жизни, превратившийся в классический мертвый город»⁵⁷. То, что после взятия Батыем город был оставлен жителями и больше никогда не застраивался, создало уникальные условия сохранности его культурного слоя — он до сих пор исследован не более чем на 6%, что позволяет предсказывать находки еще многих кладов в ближайшем будущем.

В современный период клады Древней Руси получили своего исследователя в лице ведущего научного сотрудника отдела средневековой археологии ИА РАН Н. В. Жилиной, автора нескольких специализированных трудов. На основе уже отмеченной работы Г. Ф. Корзухиной 1954 г. составлена книга «Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений»⁵⁸, посвященная «комплексной характеристике материала древнерусских кладов, проведенной на основании дробной типологической классификации и стилистического анализа украшений как произведений прикладного искусства»; к материалам Г. Ф. Корзухиной добавлено 86 новых комплексов, в итоге их общее количество составило 261. Для каждого клада составлена хронологическая таблица, и в результате работы «удалось предложить гипотезу датирования накопления вещей в кладах и датирования украшений различных ювелирных техник и категорий». На данный момент это наиболее полный и исчерпывающий труд, посвященный анализу кладов как научной проблеме. Другим важным исследованием является книга «Древнерусский драгоценный убор — сплав влияний и традиций»⁵⁹ — ее появление в 2008 г. свидетельствует о том, что проблема соотношения внешних стилевых влияний и местного, славяно-русского своеобразия, впервые поднятая в уже упоминавшихся трудах XIX в., сохраняет актуальность и до наших дней. Для методологии Н. В. Жилиной характерен междисциплинарный анализ — типологический, стилистический и технологический, а также эстетический и семантический.

Большой вклад в изучение древнерусского ювелирного убора внесла и С. С. Рябцева на материале кладов Восточной и Юго-Восточной Европы. Возникновение и развитие комплекса парадного женского убора в общеисторическом контексте прослеживается в ее работе «Древнерусский головной убор. Основные тенденции формирования»⁶⁰.

Уникальность кладов для науки обнаруживается и в их семантическом аспекте, заключенном в сюжетах декоративных композиций. В рамках данной обособившейся задачи Н. М. Калашникова, исследователь знаковых функций традиционного костюма, развивает следующее положение: «Через определенные семиотические знаки, какими, по мнению автора, являются тип изделия, способы декорирования

⁵⁶ Стрикалов, Чернецов, 2012.

⁵⁷ Стрикалов (ред.-сост.), 2020. С. 5.

⁵⁸ Жилина, 2014а.

⁵⁹ Жилина, 2008.

⁶⁰ Рябцева, 2005.

предмета, материал, из которого он выполнен, частота встречаемости с другими украшениями, удастся выявить специфические функции металлического убора»⁶¹. Но прежде всего к анализу привлекаются сами изображения, которые специфичны для каждого вида техники декора. Все это ставит украшения из кладов в один ряд с другими изобразительными источниками по костюму Древней Руси, дающими пищу для размышлений и реконструкций. Поэтому логично предположить, что ученые сопоставляют декоративные сюжеты украшений с другими видами изобразительных свидетельств, используя компаративный подход: «некоторые элементы полностью, до мелочей совпадают с деталями архитектурной орнаментики, что говорит о единстве художественных вкусов мастеров золотых и серебряных дел и резчиков по камню, украшавших церкви», — писал Б. А. Рыбаков⁶².

Подводя итог историографии по академическому направлению, можно заключить, что изучение древнерусских кладов — перспективная и постоянно развивающаяся отрасль с уже сложившейся методологией, а ряд ее проблем связан с постоянным введением в оборот новых находок, их типологизацией, поиском аналогов в искусстве культуры Запада и Востока. Исследователи давно сходятся во мнении, что к изучению кладов предпочтителен междисциплинарный подход, объединяющий археологию, искусствоведение, историю производства, экономики, торговли, дипломатии, религии и культуры, научную реставрацию и множество вспомогательных дисциплин.

4. Музейный опыт и перспективы

Тенденции уже накопленного практического опыта можно рассмотреть на основе анализа постоянных экспозиций и временных выставок.

Выбор места для расположения постоянной экспозиции играет большую роль, ведь гармоничное тематическое соотнесение экспозиции с той средой, которая составляет ее окружение, влияет на восприятие экспонатов. В этом отношении можно привести в пример как удачное экспозиционное решение уже упоминавшийся подклет Благовещенского собора. Это уникальное архитектурное сооружение XIV в., позволяющее проследить развитие московского зодчества начиная с его древнейшего этапа, вполне вероятно, предназначалось для хранения княжеской казны. Поэтому выбор такого памятника для экспонирования в нем сокровищ тех же великих князей и знатных сословий «имеет свое историческое оправдание»⁶³. Но в еще большей степени, чем постоянные экспозиции, потенциал предметов раскрывают временные выставки, ведь это средство апробации новых методов. «Очевидно, что временные выставки могут служить лабораториями для разработки новых смыслов и новой релевантности коллекций», — пишет музеолог Петер ван Менш⁶⁴. В российском опыте известен один действительно беспрецедентный выставочный проект, первый и до сегодняшнего дня единственный, целиком посвященный древнерусскимкладам как таковым, а не обращающийся к ним как к вспомогательному

⁶¹ Калашникова, 2010.

⁶² Рыбаков, 1970. С. 92

⁶³ Клады и древности Московского Кремля. *Музеи Московского Кремля*. URL: <https://treasures.kreml.ru/history-of-the-basement/view/istroya-podkleta-kladi/mobile-jump> (дата обращения: 26.07.2021).

⁶⁴ Ван Менш, Мейер-ван Менш, 2021. С. 28

материалу для иллюстрации какой-либо исторической темы, подчиняя заданной программе. Это выставка «Клады Древней Руси в собрании Русского музея» 2015–2016 гг., автором идеи которой выступила историк искусства, научный сотрудник отдела древнерусского искусства Русского музея С. М. Новаковская-Бухман⁶⁵. Экспозицию составили более четырехсот произведений, но общее экспозиционное решение при этом было выбрано строгое, основанное на предметном методе построения экспозиции, в котором не произошло «разработки новых смыслов». Среди других попыток отразить специфику кладов — выставочные проекты провинциальных музеев, где в последнее время также стали накапливаться локальные коллекции, например Рязанского⁶⁶ и Новгородского⁶⁷ музеев-заповедников. Основной задачей их концептуального замысла была презентация кладов как исторических свидетельств, но круг экспонатов содержал все клады, хранимые музеями, то есть временные рамки выставок не ограничивались одним периодом, а, наоборот, были взяты в широком диапазоне, доходящем до Новейшего времени.

Таким образом, междисциплинарный подход, применяемый к изучению кладовых артефактов, может быть перенят и музеями при подготовке научных концепций проектов. В выставочном опыте уже известен по меньшей мере один полноценный случай привлечения внимания публики к наследию, дошедшему до нас благодаря кладам. И, так как он действительно вызвал общественный интерес, его успешный опыт представляется целесообразным использовать при разработке новых выставок, полнее и более творчески раскрывающих онтологическую, содержательную сторону музеефицированных кладов, ведь их информационное поле обладает столь многогранными свойствами, сообщающими музейную ценность, — информативностью, экспрессивностью, аттрактивностью, репрезентативностью...

Выставочные проекты на основе кладов вполне могли бы иметь важное национально-патриотическое значение. Ведь феномен кладов в том, что они символизируют собой масштабную трагедию Батыева нашествия на Русь. Как писал Й. Хейзинга, «бедствия — вот из чего творится история». Сохранение памяти о таких бедствиях в наглядных материальных произведениях, красота которых трагична и оттого величественна, способствовала бы утверждению национальной идентичности, пониманию единства славянской культуры, а также ее преемственности по отношению к культурам Византии и Востока.

Литература

- Аксенова Г. В. 2014. Художественная археология: из истории становления отечественной научной традиции. *Историческое образование* 2: 3–21.
- Анастасевич В. Г. 1821. Известие о золотой гривне, найденной близ Чернигова в 1821 году. *Отечественные записки*. СПб. Ч. VIII. Кн. 20: 425–442.
- Ван Менш П., Мейер-ван Менш Л. 2021. *Новые тренды в музеологии*. Пер. с англ. В. Г. Ананьева. М.: ИТД «Перспектива».

⁶⁵ Клады Древней Руси в собрании Русского музея. Выставки. ГРМ. URL: <https://ruseum.ru/mikhailovsky-castle/exhibitions/treasures-of-ancient-russia-in-the-russian-museum-collection/> (дата обращения: 26.07.2021).

⁶⁶ Открытие выставки «Такие разные клады». Новости. РИАМЗ URL: <http://ryazankreml.ru/news/2017/?p=15news1223> (дата обращения: 26.07.2021).

⁶⁷ Клады в собрании Новгородского музея-заповедника. Выставки. НМЗ. URL: <https://novgorod-iss.kamiscoud.ru/entity/EXHIBITION/4432397> (дата обращения: 26.07.2021).

- Векслер А. Г., Мельникова А. С. 1988. *Московские клады*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Московский рабочий.
- Векслер А. Г., Мельникова А. С. 1999. *Российская история в московских кладах*. М.: Жираф.
- Даркевич В. П., Пуцко В. Г. 1982. Старорязанские клады. *Советская археология* 2: 196–209.
- Длужневская Г. В. (ред.), Мусин А. Е. (науч. ред.-сост.), Носов Е. Н. (отв. ред.). 2009. *Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Жилина Н. В. 2014а. *Древнерусские клады IX–XIII вв: классификация, стилистика и хронология украшений*. М.: URSS.
- Жилина Н. В. 2014б. Свидетельство двойной трагедии. *Славяне и иные языки... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. Труды ГИМ*. Вып. 198: 208–211.
- Жилина Н. В. 2012. Теория влияний и своеобразия на примере древнерусского драгоценного убора. *Археологические вести* 18: 253–281.
- Жилина Н. В., Макарова Т. И. 2008. *Древнерусский драгоценный убор — сплав влияний и традиций. IX–XIII вв. Художественные стили и ремесленные школы*. М.: Гриф и №.
- Калайдович К. Ф. 1823. *Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками найденных там в 1822 году древностей*. М.: Унив. тип.
- Калашников Ю. П. и др. 2012. *Галерея драгоценностей — 1*. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа.
- Калашникова Н. М. 2010. Семиотика и семантика древнерусских створчатых браслетов. *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.)*. СПб.: Нестор-История: 206–209.
- Каулен М. Е. (отв. ред.), Коссова И. М., Сундиева А. А. 2003. Обособление музейного дела в самостоятельную сферу культурной деятельности. *Музейное дело России*. М.: Издательство «ВК».
- Кондаков Н. П. 1892. *История и памятники византийской эмали* [предисл.: А. В. Звенигородский]. СПб.: [б. м].
- Кондаков Н. П. 1896. *Русские клады: исследование древностей великокняжеского периода*. СПб.: издание Императорской археологической комиссии.
- Корзухина Г. Ф. 1954. *Русские клады IX–XIII вв*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Корзухина Г. Ф. 1972. Русские клады в зарубежных собраниях. *КСИА*. Вып. 129. Л.: 129–137.
- Макарова Т. И. 1975. *Перегородчатые эмали Древней Руси*. М.: Наука.
- Макарова Т. И. 1986. *Черное дело Древней Руси*. М.: Наука.
- Монгайт А. Л. 1970. Клады Старой Рязани. *Наука и жизнь* 11: 156–160.
- Мысько Ю. В. 2020. Предметы древнерусского головного и шейного ювелирного убора в фондовом собрании Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника. «*На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...*» Сб. ст. памяти Светланы Рябцевой. Университет Высшая антропологическая школа. Кишинэу: Stratum Plus: 227–229.
- Недошвина Н. Г. 2010. *Древнерусские клады в собрании Государственного Исторического музея*. М.: ГИМ.
- Николаева Т. В., Чернецов А. В. 1991. *Древнерусские амулеты-змеевики*. М.: Наука.
- Новаковская-Бухман С. М. 2015. Клады Древней Руси в собрании Русского музея. *Клады Древней Руси в собрании Русского музея: альманах*. СПб.: Palace Editions. Вып. 457: 4–12.
- Оленин А. Н. 1831. *Рязанские русские древности, или Известие о старинных и богатых великокняжеских или царских убранствах, найденных в 1822 году близ села Старая Рязань*. СПб.: Типография Плюшара.
- Панова Т. Д. 1996. *Клады Кремля*. М.: Гос. ист.-культ. музей заповедник «Московский Кремль».
- Пекарская Л. В. 2010. Новые данные о Киевском кладе 1906 г. *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.)*. СПб.: Нестор-История: 249–255.
- Пескова А. А., Строкова Л. В. 2010. Об истории и составе «сирийской коллекции» Ханенко в собрании Национального музея истории Украины. *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.)*. СПб.: Нестор-История: 396–404.
- Пятницкий Ю. А. 2015. Перегородчатые эмали из собрания А. В. Звенигородского и исследование Л. Пекарской «*Jewellery of Princely Kiev. The Kiev Hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and Related Material*». *Tyragetia*. Vol. IX [XXIV], no. 2: 291–314.

- Рыбаков Б. А. 1970. *Декоративно-прикладное искусство Руси X–XIII веков*. Л.: Аврора.
- Рыбаков Б. А. 1948. *Ремесло Древней Руси*. М.: Изд-во АН СССР.
- Рябцева С. С. 2005. *Древнерусский головной убор. Основные тенденции формирования*. СПб.: Нестор-История.
- Чернецов А. В. (отв. ред.). 2014. *Старая Рязань. Клад 2005 года*. СПб.; М.: Нестор-История.
- Стрикалов И. Ю. (ред.-сост.). 2020. *Старая Рязань: крупный городской центр на международных торговых путях. Материалы научной конференции*. М.: ИА РАН.
- Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В. 2012. Работы Старорязанской экспедиции в 1994–2010 гг. (хроника исследований). *Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур: Сб. науч. ст.* Рязань: 16–55.
- Morgan J. P., Fry R., Dalton O. M. 1912. Byzantine Enamels In Mr. Pierpont Morgan's Collection. *Chatto & Windus for the Burlington magazine*. London.
- Pekars'ka L. V. 2011. *Jewellery of Princely Kiev: The Kiev Hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and related material*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum.

Статья поступила в редакцию 29 июля 2021 г.;
рекомендована к печати 20 сентября 2021 г.

Контактная информация:

Конькова Людмила Викторовна — д-р ист. наук, проф.; lkonkova@mail.ru
Спешинская-Зорич Мария Владимировна — студент; shonok2@yandex.ru

Hoards of Kievan Rus': Research and museumification experience

L. V. Konkova, M. V. Speshinskaia-Zorich

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya pl., Moscow, 125993, Russian Federation

For citation: Konkova L. V., Speshinskaia-Zorich M. V. Hoards of Kievan Rus': Research and museumification experience. *The Issues of Museology* 12 (2): 206–221.
<https://doi.org/10.21638/spbu27.2021.205> (In Russian)

The article, in the context of museum affairs, examines a specific phenomenon of material culture, such as hoards of jewelry from the era of Kievan Rus'. Despite the fact that, since the 19th century, these items have been included in the collections of the largest national and foreign museums, and humanitarian sciences have accumulated considerable experience in their comprehensive research, in the field of exhibiting, from the authors' view, the hoards are still not fully interpreted as exhibits with unique properties. Based on this provision, the article poses the problem of identifying the relationship between the scholarly and museum spheres in order to develop new approaches to actualizing the hoards as sources of information about Ancient Rus' and presenting them to a wide audience. The article bears a historiographic orientation because in order to solve the problem posed, it is first required to study separately the already accumulated theoretical and practical experience. Accordingly, the article compiles a retrospective review of the hoards' existence, providing the situational context and history of archaeological excavations. Then, it traces both the process of museum collections' replenishment and the course of examining, comprehending and reconstruction of hoard complexes within a variety of scholarly disciplines. On the example of permanent exhibitions and temporary projects, the article considers the tendencies of the current experience of exhibiting, in which there is a focus on the subject method of constructing the exposition that does not contribute to the "development of new meanings" and the creative disclosure of the content features of the exhibits. The authors conclude that it is advisable to apply an interdisciplinary approach to the development of conceptions for new exhibitions as a way to more fully reveal the cognitive, ontological and axiological potential of the Ancient Rus' hoards.

Keywords: jewelry hoards, decorative arts, Kievan Rus', museum, collection, exhibiting.

References

- Aksenova G. V. 2014. Artistic archeology: from the history of the formation of the national scientific tradition. *Istoricheskoe obrazovanie* 2: 3–21. (In Russian)
- Anastasevich V. G. 1821. The news about the gold grivna found near Chernigov in 1821. *Otechestvennyye zapiski*. St. Petersburg. Pt. VIII, vol. 20: 425–442. (In Russian)
- Chernetsov A. V. 2014. *Old Ryazan. The hoard of 2005*. St. Petersburg, Moscow: Nestor-Istoriia Publ. (In Russian)
- Darkevich V. P., Putsko V. G. 1982. Old Ryazan hoards. *Sovetskaia Arkheologiya* 2: 196–209. (In Russian)
- Dluzhnevskaja G. V. (ed.), Musin A. E. (ed.), Nosov E. N. (executive ed.). 2009. *The Imperial Archaeological Commission (1859–1917). To the 150th anniversary of foundation. At the source of the national archaeology and preservation of the cultural heritage*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ. (In Russian)
- Kalaidovich K. F. 1823. *Letters to Alexei Fedorovich Malinovsky about archaeological research in Ryazan province, with drawings of antiquities found there in 1822*. Moscow: Univ. tip. Publ. (In Russian)
- Kalashnikova N. M. 2010. Semiotics and Semantics of Old Russian Folding Bangles. *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia Gali Fedorovny Korzukhinoi (Sankt-Peterburg, 10–16 apreliia 2006 g.)*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ.: 206–209. (In Russian)
- Kalashnikov Iu. P. et al. 2012. *Treasure Gallery — 1*. St. Petersburg: Gosudarstvenny Ermitazh Publ. (In Russian)
- Kaulen M. E. (executive ed.), Kossova I. M., Sundieva A. A. 2003. Separation of the museum work into an independent sphere of cultural practice. *Muzeinoe delo Rossii*. Moscow: VK Publ. (In Russian)
- Kondakov N. P. 1896. *Russian Hoards: a Study of Antiquities of the Grand Princely Period*. St. Petersburg: Imperatorskoi arkheologicheskoi kommissii Publ. (In Russian)
- Kondakov N. P., Zvenigorodskii A. V. (preface). 1892. *History and monuments of Byzantine enamels*. St. Petersburg: b. i. (In Russian)
- Korzukhina G. F. 1954. *Russian hoards of IX–XIII centuries*. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ. (In Russian)
- Korzukhina G. F. 1972. Russian hoards in foreign collections. *KSIA*. No. 129. Leningrad: 129–137. (In Russian)
- Makarova T. I. 1975. *Cloisonne enamels of Ancient Russia*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Makarova T. I. 1986. *Niello craft of Ancient Russia*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Mongait A. L. 1970. Hoards of Old Ryazan. *Nauka i zhizn'* 11: 156–160. (In Russian)
- Morgan J. P., Fry R., Dalton O. M. 1912. Byzantine Enamels in Mr. Pierpont Morgan's Collection. *Chatto & Windus for the Burlington magazine*. London.
- Mys'ko Iu. V. 2020. Objects of the Old Rus Head and Neck Jewelry Dress in the Depositary Collection of the National KyivPechersk Historical and Cultural Reserve. "Na odno krylo — serebrianaia, Na drugoe — zolotaia..." *Sb. st. pamiati Svetlany Riabtsevoi*. Universitet Vysshiaia antropologicheskaja shkola. Chisinau: Stratum Plus Publ.: 227–229. (In Russian)
- Nedoshivina N. G. 2010. *Ancient Russian hoards in the collection of the State Historical Museum*. Moscow: GIM Publ. (In Russian)
- Nikolaeva T. V., Chernetsov A. V. 1991. *Ancient Russian coil amulets*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Novakovskaia-Bukhman S. M. 2015. Hoards of Ancient Russia in the collection of the Russian Museum. *Klady Drevnei Rusi v sobranii Russkogo muzeia: al'manakh*. St. Petersburg: Palace Editions. Iss. 457: 4–12. (In Russian)
- Olenin A. N. 1831. *Ryazan Russian antiquities or the news about ancient and rich grand-princely or royal decorations found in 1822 near the village of Old Ryazan*. St. Petersburg: Tipografia Plushara Publ. (In Russian)
- Panova T. D. 1996. *The Hoards of the Kremlin*. Moscow: Gos. ist.-kul't. muzei zapovednik Moskovskii Kreml' Publ. (In Russian)
- Pekarskaia L. V. 2010. The New Data about Kiev Hoard — 1906. *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia Gali Fedorovny Korzukhinoi (Sankt-Peterburg, 10–16 apreliia 2006 g.)*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ.: 249–255. (In Russian)
- Pekars'ka L. V. 2011. *Jewellery of Princely Kiev: The Kiev Hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and related material*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum.
- Peskova A. A., Strokova L. V. 2010. On the History and Composition of Khanenko's "Syrian Collection" in the Collection of the National History Museum of the Ukraine. *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia*

- Gali Fedorovny Korzukhinoi (Sankt-Peterburg, 10–16 aprelia 2006 g.)*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ.: 396–404. (In Russian)
- Piatnitskii Iu. A. 2015. Cloisonne enamels from the collection of A. V. Zvenigorodsky and research by L. Pekarskaya “Jewellery of Princely Kiev. The Kiev Hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and Related Material”. *Tyragetia*. Vol. IX [XXIV], no. 2: 291–314. (In Russian)
- Riabtseva S. S. 2005. *Ancient Russian headdress: major tendencies of formation*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ. (In Russian)
- Rybakov B. A. 1948. *Craft of Ancient Russia*. Moscow: AN SSSR Publ. (In Russian)
- Rybakov B. A. 1970. *Russian Arts and Crafts of X–XIII centuries*. Leningrad: Avrora Publ. (In Russian)
- Strikalov I. Iu, Chernetsov A. V. 2012. Functioning of the Old Ryazan expedition in 1994–2010 (research chronicle). *Vostochnoevropeiskii srednevekovi gorod v kontekste etnokul’turnykh, politicheskikh i poselencheskikh struktur: Sbornik nauchnykh statei*. Ryazan: 16–55. (In Russian)
- Strikalov I. Iu (ed.). 2020. *Old Ryazan: a major urban center on international trade routes. Scientific conference materials*. Moscow: IA RAN Publ. (In Russian)
- Van Mensch P., Meijer-Van Mensch L. 2021. *New Trends in Museology*. Moscow: Perspektiva Publ. (Rus. Ed.)
- Veksler A. G., Mel’nikova A. S. 1988. *Moscow hoards*. 2nd edition. Moscow: Moskovskii rabochii Publ. (In Russian)
- Veksler A. G., Mel’nikova A. S. 1999. *Russian history in Moscow hoards*. Moscow: Zhiraf Publ. (In Russian)
- Zhilina N. V., Makarova T. I. 2008. *Ancient Russian jewelery as a fusion of influences and traditions. IX–XIII centuries. Artistic styles and craft schools*. Moscow: Grif i № Publ. (In Russian)
- Zhilina N. V. 2012. The Theory of Influences and Originality through the Example of Old Russian Jewellery Sets. *Arkheologicheskie vesti* 18: 253–281. (In Russian)
- Zhilina N. V. 2014a. *Ancient Russian Hoards of 9th–13th Centuries: Classification, Stylistics and Chronology of Decorations*. Moscow: URSS Publ. (In Russian)
- Zhilina N. V. 2014b. The testimony of the double tragedy. *Slaviane i inye iazytsi... K iubileiu Natal’i Germanovny Nedoshivinoi. Trudy GIM* 198: 208–211. (In Russian)

Received: July 29, 2021
Accepted: September 20, 2021

Authors’ information:

Ludmila V. Konkova — Dr. Sci. in History, Professor; lkonkova@mail.ru
Maria V. Speshinskaia-Zorich — Student; shonok2@yandex.ru